

(1) Среди оборванных старух, стариков и детей особенно странно выглядели на этой дороге молодые женщины в модных пальто, жалких и пропылённых, с модными, сбившимися набор пыльными причёсками. (2) А в руках узлы, узелки, узелочки; пальцы судорожно сжаты и дрожат от усталости и голода.

(3) Всё это двигалось на восток, а с востока навстречу по обочинам шоссе шли молодые парни в гражданском, с фанерными сундучками, с дерматиновыми чемоданчиками, с заплечными мешками, — шли мобилизованные, спешили добраться до своих заранее назначенных призывных пунктов, не желая, чтоб их сочли дезертирами, шли на смерть, навстречу немцам. (4) Их вели вперёд вера и долг; они не знали, где на самом деле немцы, и не верили, что немцы могут оказаться рядом раньше, чем они успеют надеть обмундирование и взять в руки оружие... (5) Это была одна из самых мрачных трагедий тех дней — трагедия людей, которые умирали под бомбёжками на дорогах и попадали в плен, не добравшись до своих призывных пунктов.

(6) А по сторонам тянулись мирные леса и рощицы. (7) Синцову в тот день врезалась в память одна простая картина. (8) Под вечер он увидел небольшую деревушку. (9) Она раскинулась на низком холме; тёмно-зелёные сады были облиты красным светом заката, над крышами изб курились дымки, а по гребню холма, на фоне заката, мальчишки гнали в ночное лошадей. (10) Деревенское кладбище подступало совсем близко к шоссе. (11) Деревня была маленькая, а кладбище большое — целый холм был в крестах, обломанных, покосившихся, старых, вымытых дождями и снегами. (12) И эта маленькая деревня, и это большое кладбище, и несоответствие между тем и другим — всё это, вместе взятое, потрясло душу Синцова. (13) От острого и болезненного чувства родной земли, которая где-то там, позади, уже истоптана немецкими сапогами и которая завтра может быть потеряна и здесь, разрывалось сердце. (14) То, что видел Синцов за последние два дня, говорило ему, что немцы могут прийти и сюда, но, однако, представить себе эту землю немецкой было невозможно. (15) Такое множество безвестных предков — дедов, прадедов и прапрадедов — легло под этими крестами, один на другом, веками, что эта земля была своей вглубь на тысячу сажен и уже не могла, не имела права стать чужой.

(16) Никогда потом Синцов не испытывал такого изнурительного страха: что же будет дальше?! (17) Если всё так началось, то что же произойдёт со всем, что он любит, среди чего рос, ради чего жил: со страной, с народом, с армией, которую он привык считать непобедимой, с коммунизмом, который поклялись истребить эти фашисты, на седьмой день войны оказавшиеся между Минском и Борисовом?

(18) Он не был трусом, но, как и миллионы других людей, не был готов к тому, что произошло. (19) Большая часть его жизни, как и жизни каждого из этих людей, прошла в лишениях, испытаниях, борьбе, поэтому, как выяснилось потом, страшная тяжесть первых дней войны не смогла раздавить его души, как не смогла раздавить и души других людей. (20) Но в первые дни эта тяжесть многим из них показалась нестерпимой, хотя они же сами потом и вытерпели её.

(По К. М. Симонову)